

A romantic movie poster featuring a man and a woman in a close embrace. The woman, on the left, has long, wavy brown hair and is wearing a light-colored, off-the-shoulder dress with a floral embroidery of three red roses on the sleeve. The man, on the right, has dark, wavy hair and is wearing a light-colored, button-down shirt that is open at the collar. They are looking into each other's eyes. The background is dark and moody, with a warm, golden light source on the left, possibly a window or a fire, creating a soft glow on the woman's face and hair. The overall tone is romantic and intimate.

КАТЯ ТЕВА

ЧУЖАЯ
ЖЕНА

Катя Тева

Чужая жена

<https://litres.ru/74211662>

Аннотация

Юная красавица Оксана оказывается заложницей собственной семьи: ради выкупа, спасшего родителей от нищеты, ее выдают замуж за зажиточного, взрослого и жестокого кузнеца Николу — человека, о котором в деревне ходят мрачные слухи. Оказавшись в доме кузнеца, Оксане приходится терпеть не только постоянные указания и контроль, но улаживать ненасытного мужа по ночам. Кажется, что жизнь ее окончательно погребена под тяжестью безысходности...

Но все меняется с приходом в кузницу нового помощника — Ивана, молодого, красивого и только что вернувшегося с военной службы. С первого взгляда они полюбили друг друга, только вот за счастье предстоит серьезная борьба с кузнецом, который не готов терять молодую жену. Драма, наполненная откровенными сценами, переживаниями, борьбой и событиями, от которых замирает сердце.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	51
Глава 10	58
Глава 11	65
Глава 12	71
Глава 13	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Глава 1

Туман стелился над деревней, как старое льняное полотно – плотное, чуть влажное, с привкусом дыма и росы. Первые петухи еще не успели разогнать ночную тишину, а Оксана уже стояла у колодца, сжимая в руках ведро. Холод железного обруча впивался в ладони, но она не спешила – знала: пока солнце не коснется крыши соседского сарая, время будет принадлежать только ей.

Где-то за изгородью фыркнула лошадь. Ветер принес запах прелой соломы и недавно вспаханной земли. Оксана закрыла глаза и вдохнула глубоко, будто пытаясь вобрать в себя все это утро целиком – пока оно еще не обросло заботами, словами, чужим поручениями.

Она вытащила полное ведро, стараясь не расплескать себе в галоши, и пошла в сарай. Первым ее учуял петух и заорал во всю глотку, переполошив кур. Оксана вытащила из фуфайки засохших хлеб, толкнула ногой деревянную дверцу и покрошила прямо на пол.

– Нате, жрите, сейчас еще зерна принесу.

Куры набросились на крошки, а петух проводил кормилицу строгим взглядом.

– Тебе ничем не угодишь, рыжая башка! – Оксана пригрозила ему пальцем, чтобы и не думал снова кричать.

В свинарнике колготились свиньи. Одна Фроська дрыхла в углу, не в силах оторвать толстое пузо от грязной соломы. Отец сказал, что на днях должна опороситься. Оксана взяла ведро с помоями и вылила в железную кадку прямо через невысокий забор загона. Они оживились, зачмокали, сунули морды и начали расталкивать друг друга.

– Фроське оставьте, бестолочи. Она мать, как никак.

Буран переминался с ноги на ногу, завидев свою любимицу. Оксана протянула ему две половинки яблока, которые тут же исчезли, оставив на ладони мокрый холодный отпечаток лошадиного носа. Она открыла загон, поставила перед ним ведро с водой, взяла вилы и вытащила из стога охапку свежего сена. Буран благодарно кивнул головой и зафырчал. Тогда она открыла мешок, зачерпнула ковшик овса из прогрызенного мышами мешка, и высыпала в кормушку.

– Только никому не говори, – заговорчески прошептала она. – Отец не велит тебя овсом баловать. Ну разве же лучше, чтобы мыши сожрали? Ты только улики все подбери, а то и мне достанется.

Оставив Бурана завтракать в одиночестве, Оксана пошла в соседний сарай к любимой Мурашке. Раньше они держали трех коров, но осталась только одна. Отец бы и ее продал, да мать не позволила. Нельзя в деревне без молока. Оксана дала ей соломы, сходила за водой к колодцу, а затем направилась в остывшую с вечера баню. Из горячего крана набрала чуть теплой воды, сняла с веревки тряпку, перевязала платок по-

туже, чтобы волосы в глаза не лезли и вернулась в сарай.

Она поставила рядом с коровой низенький деревянный стульчик, вытерла руки о передник и села. Спокойными, привычными движениями она начала мыть корове вымя – теплой водой и мягкой тряпкой, почти лаская. Вода стекала по ее пальцам, бежала до самых локтей, моча рукава фуфайки. Первая струйка молока выстрелила в ведро, и Мурашка дернулась, недовольная, что ее оторвали от завтрака.

– Стой, милая, тебе же легче будет, – уговаривала ее Оксана, быстро орудуя двумя руками.

Аромат парного молока перебил запах прелой истоптанной соломы, и из-за угла, потягиваясь, вышел кот. Он всегда караулил время дойки, ошиваясь поблизости, рассчитывая получить заслуженную порцию молочка. Прибился он года два назад еще блохастым котенком, и Оксана назвала его Барсиком. Кот шустро ловил мышей, складывая остатки добычи вдоль забора, демонстрируя, что не зря его кормят и содержат. Только вот терпения у Барсика совсем не было. Он пытался сунуть серую морду в ведро, не желая ждать, пока дойка закончится.

– Брысь, а то вообще не получишь! – Оксана отпихнула его ногой, но это не сработало, он зашел с другой стороны.

За дверью послышался шум, забрехала собака, гремя цепью. И Оксана невольно обернулась. В сарай забежала Милка в одной сорочке и в резиновых сапогах на босу ногу.

– Тебе чего, дуре, не спится? – спросила сестру Оксана.

– Папка вернулся с пьянки, – выпалила Мила, стараясь отдышаться.

– Ну надо же, великое событие, – Оксана скривилась. – Мне об этом докладывать было необязательно.

– Он тебя ищет, – Милка взяла Барсика на руки, и он начал вырываться. – На мать орет.

– Злой, что ли? – Оксана отставила в сторону полное ведро и потянулась за кошачьей миской.

– Нет, вроде даже довольный, – Мила пожала плечами. – Станный какой-то. Может, случилось что?

– Ну ты бы и спросила, – Оксана налила молока, убрала деревянный стульчик на место и разогнула затекшую спину.

– Так он мне и ответил. Не хочу с утра пораньше подзатыльники получать, больно оно мне надо. Он тебя требует.

– Да что ему могло понадобиться? – Оксане самой стало любопытно. С отцом она старалась не связываться, могла и неделю словом не обмолвиться, просто существовала где-то рядом, как и сестра.

– Может ты натворила чего? – осторожно спросила Милка.

– С чего тогда он довольный? Да и что я могу натворить – из дома почти не выхожу, если только к Ульяновке сбегаю или в магазин. Ладно, пошли. Сейчас выясним, что ему нужно. Ведра у скотины собери.

Мила забрала у Мурашки пустое ведро, погладив корову по длинной морде, и пошла к Бурану. Он топнул копытом,

замахал гривой и попытался ее цапнуть за руку.

– Бешеный, уйди! – она замахнулась, но он только ушами повел.

Оксана рассмеялась.

– Даже лошадь чувствует, что ты дурочка глупенькая!

– Просто он только тебя любит, потому что ты ему яблоки таскаешь. И овса сыпешь. Вот как расскажу папке!

– Так сразу и получишь, – пригрозила ей Оксана.

Она забрала у Бурана ведро и протянула его сестре. Рассвет вступил в полную силу, солнце показалось из-за холма, обещая жаркий хороший день. Оксана шла по двору и гадала – что же могло понадобиться от нее отцу? Ничего хорошего, это уж точно. Милаша семенила следом, скрипя босыми пятками по голой резине.

Оксана составила пустые ведра у колодца, сняла с уличной веревки чистую марлю и накрыла молоко, пока мусора не налетело.

– Стиркуними, а то выгорит, мать ругаться будет, – велела она сестре.

– Потом, успеется. Пошли, Оксанка, а то он еще больше разозлится, – Мила потянула ее за рукав.

– Так и пусть злится, пусть хоть облезет. А может и уснул давно, пока мы делами заняты.

– Не спит он, тогда бы мамка за нами пришла, а она не идет. Он ее гоняет, наверное. Убьет еще...

– За двадцать лет не убил, пока молодой и здоровый был,

а теперь вдруг убьет? Если ты думаешь, что она его боится, то не верь, сестренка. Просто нравится нашему отцу, когда перед ним хоть кто-то пресмыкается. В деревне его и в грош не ставит, так он на родных бабах душу отводит.

– Да тише ты! Услышит же. Хуже будет.

Оксана подняла голову и посмотрела на чистое голубое небо. Что-то ей подсказывало, что день будет напрочь испорчен.

Глава 2

Люба стояла на крыльце и высматривала дочерей, еле плетущихся по двору. Она теребила край засаленного фартука и смотрела с тревогой.

– Быстрее, вы как коровы, ей богу! – она помахала рукой и скрылась в доме.

Оксана с Милой переглянулись.

Тихон сидел за столом, положив локти на чистую скатерть. Люба пристроилась рядом, боясь лишний раз вдохнуть. Милка первой прошмыгнула в дверь и спряталась за печкой. Оксана же смерила родителей спокойным взглядом, поставила ведро с молоком на тумбочку и перевернула чистую банку.

– Брось все и сядь! – рявкнул отец.

– Оставь, Оксана, я сама разолью, – зашебетала Люба. – У отца есть хорошие новости.

– Хорошие новости таким тоном не рассказывают, – не удержалась Оксана, но все-таки села.

– Тебе в прошлом месяце двадцать лет стукнуло, – Тихон поскреб толстыми пальцами усы. – Засиделась ты в девках, не хорошо это.

– Как жениха найду, так замуж и пойду, – ответила Оксана, и вдруг почувствовала во рту странную горечь, будто зерно полыни проглотила. – Не за кого мне пока выходить.

– Выходить всегда есть за кого, было бы желание. Так и думал, что эта забота на мои плечи ляжет. Полон дом бабья, а толков от вас нету. Смотри, Любка, каких ты бестолочей воспитала. Мордашки смазливые, а не сватается никто. А почему? Ты должна к свахе идти, ты должна женихов выглядывать, а ты все с соседкой лясы точишь!

Оксана посмотрела на мать. Она молча слушала, не перебивая. Привыкла, что муженек спяну заводит шарманку и гудит, пока его в сон не свалит.

– На мне все держится... – он уронил голову и замолчал.

Оксана с матерью понадеялись, что концерт закончен, но ошиблись.

– Вот вы думаете, что я всю ночь пил, а я делом занимался. Оксанку нашу пристраивал.

– Я не просила меня пристраивать, – ответила она, и Люба шикнула на дочь.

– Не просила, значит? А до сколько лет я буду тебя кормить и тряпки покупать, а?

– Тиша, прекрати, родное дите куском хлеба попрекаешь, – Люба положила руку ему на плечо, но он стряхнул ее с себя. – Оксаночка, доченька, один уважаемый человек посватался к тебе. Так ты ему нравишься, что он осмелился попросить у отца твоей руки.

– И я одобрил! – Тихон стукнул кулаком по столу. – На неделе свадьбу и сыграем, тем более денег у него достаточно, чтобы всю деревню накормить и напоить! И выкуп обещал

дать. Значит щедрый. Будешь жить, как у Христа за пазухой.

– Кто? – Оксана затаила дыхание. Не припоминала она в родной деревне завидных женихов, да еще и богатых.

Одна надежда осталось – привиделось отцу, перепил крепкой самогонки. Может и не сватался никто, просто черти ему в голову залезли и помутили рассудок.

– За Николу пойдешь, за кузнеца нашего, – ответил дочери Тихон и громко икнул.

– Он хороший человек, Оксаночка, хоть и говорят о нем разное, – Люба потянулась через стол к дочери, намереваясь схватить ее за руку, чтобы не убежала и еще больше не разозлила отца.

– Разное? – Оксана поверить не могла, что ее родные родители способны на такое. – Это ты про то, что он жену с дочкой убил?

За печкой громко всхлипнула Милаша и зашлепала босыми ногами по полу.

– А то, что он вдвое старше меня, вас не беспокоит? – Оксана сжала руки в кулаки. – Или то, что его даже собаки бояться, потому что он страшный и огромный? Я никогда и ни за что не соглашусь. Лучше пойду и в реке утоплюсь, раз вы меня кормить устали!

– Жить будешь, как за каменной стеной, он мне слово дал, – опять заладил Тихон. – Хватит нам в нищете прозябать.

– А вы за мой счет разжиться решили? – Оксана усмехнулась и поднялась со стула. – Может просто получку не стоит

всю подчистую пропивать, а то у нас скотина во дворе скоро закончится!

– Ах ты потаскушка проклятая! – Тихон вскочил, отшвырнул жену, мешающую ему на проходе, подскочил к Оксане и с размаху ударил по лицу.

Из-за печки выскочила Мила и повисла у него на руке.

– Не надо, папка, не трогай ее! – верещала она.

Оксана коснулась полыхающей щеки и гневно посмотрела на отца.

– Не пойду я за Николу, хоть приберей меня прямо здесь, – тихо прошептала она.

– Пойдешь! – Тихон отшвырнул Милашку и схватил Оксану за грудки. – Побежишь, как миленькая, и станешь ему хорошей женой, которую ему убивать не захочется. Вы сами, бабы, во всем виноваты! Это матери вашей повезло, что я добрый попался. Люба!

Люба подошла ближе. Ее трясло от волнения и страха.

– Реши со своей непутевой дочерью вопрос. Уговаривай, как хочешь, но, чтобы к вечеру с нее вся спесь сошла. И ты, Милка, вразуми сестру! Сама уже почти невеста, скоро и тобой займусь!

– Тиша, так ей пятнадцать всего... – Люба вцепилась в младшую дочь.

– Моя бабка в ее возрасте уже первенца родила, а мы все бережем их, как принцесс! – он сплюнул на чистый пол. – Спать я пошел, устал, утомили вы меня, дуры!

Тихон, покачиваясь, пошел в комнату. Люба схватила тряпку и подтерла с пола плевков. Оксана стояла посередине кухни, как статуя, боясь пошевелиться. Мила рыдала в уголочке, размазывая сопли рукавом.

– И ты одобрила, мама? – Оксана с обидой посмотрела на суевившуюся Любу. – Тебе меня совсем не жалко?

– А что я могу? – Люба в сердцах швырнула тряпку за печку.

– Сказать нет, например, – Оксана усмехнулась. – Какой жизни ты мне желаешь? Неужели, плевать, что я со стариком жить буду?

– Так ему не больше сорока, он просто выглядит так су-рово, но сердце у него доброе...

– В два раза старше меня, немногим старше отца, а тебе вообще ровесник. И откуда тебе про его сердце доброе известно, интересно знать?

– Не пускай ее, мамка, – завывала Милка. – Погибнет с ним Оксанка наша...

– Прекрати каркать! – отругала младшую дочь мать. – Дайте отцу проспаться хорошенько, может, передумает еще. А ты чего меня глазами своими буравишь?

Люба схватила Оксану за локоть, усадила на табурет и нависла сверху.

– Думаешь, меня моя жизнь устраивает? Все так живут! Все терпят, и ничего, привыкают. Думаешь, у меня сердца нет? Есть, – Люба стукнула себя кулаком в грудь. – И болит

оно за вас обеих без остановки. Я сама в молодости о любви мечтала, только сказки это все, нет ее, любви вашей. Времена другие настали. Жизнь нужно устраивать головой, рас­судком, а не тем, что между ног чешется.

– А у меня нигде не чешется! – огрызнулась Оксана. – Что же ты тогда отца выбрала, раз про разум говоришь? Пьет он, не просыхая, долгов наплодил, скотину продает, потому что заработать не может...

– Ну-ка замолчи! Не смей меня учить, мала еще! – Люба отвернулась, сложила руки на груди и насупилась.

– Зато замуж идти за старика я не мала, – Оксана сняла с крючка кофту, надела поверх простенького домашнего платья и поставила к порогу чистые калоши.

– Ты куда собралась? – спросила ее мать.

– К Ульяне схожу.

– Я с тобой, – подскочила Мила. – Возьмешь?

– Возьму, – ответила Оксана и вышла из дома.

Глава 3

Оксана лежала на сеновале, спрятав влажное лицо в ладонях. Рыдания прекратились, теперь она изредка всхлипывала и вздрагивала всем телом. Это не могло быть правдой. Кто угодно, только не Никола.

Она видела его редко, так как в кузнице молодым девушкам делать нечего, туда ходили только деревенские мужики. Но она многое о нем слышала. Никола был грозным и резким человеком, нелюдимым, закрытым, скрытным. Когда умерла его жена и дочь, всю деревню охватил ужас. Оксана тогда была чуть младше Милашки, но все поняла и хорошо запомнила, как расползались от дома к дому страшные слухи.

Не поверили местные в случайность, будто Елена и Проща сами утопи. Ведь Никола был в то время на болоте и вытащить их пытался, но не смог. А не поверили именно потому, что он спасти не смог. Вранье это чистой воды! С его-то силищей он бы их обеих одной рукой за косы выдернул. Значит, не захотел... А почему? Много версий тогда крутилось на бабских языках. Кто что говорил, Оксана уже и не помнила. Вот только образ убийцы и садиста в ее голове хорошо сложился.

И теперь ее саму хотят к нему на растерзание отправить. Родные родители. Оксана не знала, как будет выпутываться, но твердо для себя решила – замуж за Николу не пойдет.

Лучше уж смерть, чем такая жизнь. От одной мысли, что она с ним в одном доме окажется, да еще и в одну постель ляжет, тело мурашками покрывалось...

Оксана вытерла остатки слез и села. Сено под ней зашуршало, сухие веточки неприятно впились в ноги, и она одернула подол. Послышались тихие девичьи голоса – Мила вела к сеновалу Ульяну. Оксана с облегчением выдохнула. Ей хотелось как можно скорее разделить с лучшей подругой свое горе. То, что Ульянка уже в курсе всего, сомнений не было. Милка первым делом все растрепала.

Наконец, обе показались. На Ульяне лица не было – бледная, перепуганная, как заяц. Да и Милашка не лучше, вся душа у нее за старшую сестру изболелась.

– Как же так, а? – Ульяна села с одной стороны около Оксаны, а Мила тут же пристроилась с другой. – Может спяну он, не всерьез?

Оксана посмотрела на светлокожую белобрысую подружку с ясными голубыми глазищами и вдруг подумала – а почему Никола именно к ней посватался, когда есть куда красивее и пышнее? От мысли этой тут же устыдилась – не хорошо это, желать своей участи другой. Она и не желала, просто понять пыталась. И поняла. Ульянины родители во век бы не согласились родную дочку отдать за чудовище, а ее с радостью решились, и думать не стали. Зачем кормить здоровую девку, если можно пристроить, еще и хорошо заработать?

– Очень сомневаюсь, – Оксана вздохнула. – Слишком хо-

рошо я отца знаю. Он сказал, что Никола сам посватался, разрешения спросил. А этот дурак старый и обрадовался...

– Откажись! – Ульяна нашла зеленую травинку и сунула в рот. – Против твоей воли не посмеют. Не в каменном веке живем.

– Тогда папка Оксанку из дома выгонит, – дрожащим от страха голосом сказала Мила. – Куда ей пойти?

– Да хоть куда! Лучше по улицам скитаться, чем с кузнецом жить...

Ульяна не могла понять, в какую западню попала ее подруга. В ее мире многое зависело от ее слова. Но в Оксанином существовали другие правила. Она не могла послушаться, потому что с детства в их с Милой головы вбивали, что они просто не имеют права на собственное мнение и выбор. Отец попрекал мать за то, что она не смогла родить ему сыновей, и девочки росли с чувством вины.

– Я должна отговорить отца... – Оксана смотрела перед собой, боясь даже моргнуть лишний раз. То, что она произнесла в слух, было практически неосуществимо.

– Лучше через мамку, – Мила коснулась ее плеча. – Пусть она передумает и откажет кузнецу.

– Постойте-ка, он же свататься должен официально прийти, – вдруг осенило Ульяну. – В кабаке спьяну такие дела не делаются. Ты ему и скажи – нет, прямо глядя в глаза!

– Папка потом изобьет... – предупредила Мила, но не сестру, а Ульяну. Оксана и без лишних слов знала, что изо-

бьет.

– А вот и откажу! – Оксана вскинула голову. – Если выгонят, то уйду. Дояркой на ферму в соседнюю деревню устроюсь, в сарае жить буду.

– А я как же? – захныкала Милашка и вцепилась ей в рукав. – А если они меня вместо тебя кузнецу отдадут?

– Дите ты еще маленькое, – успокоила сестренку Оксана. – Два-три года можешь жить спокойно. А лучше присмотри себе кого-то сама. Не совершай такую глупость, как я. Пусть хороший парень тебя сосватает и заберет.

– Где мне искать-то? Меня за ворота не пускают, – Мила, осознав всю горечь своего положения, разревелась. – Только если с тобой вместе по грибы или до Ульяновки. А если ты сбежишь, то папка на мне и мамке свою злость вымещать начнет. Сгубит нас обоих, если ему выкуп от кузнеца не достанется...

– Ну и ситуация, – обреченно вздохнула Ульяна. – А может тебе самой к кузнецу сходить?

– И что я ему скажу? – Оксана смахнула с лица прядь рысых волос.

– Правду скажи. Не хочу, мол, за вас замуж. Откажу. Сващаться не приходите. Если он у вас дома узнает про отказ и опозорится, то может передумает вовсе?

– А может и правда? – Оксана не представляла, как осмелится к кузнице подойти, но пока видела только в этом свое спасение.

– Не ходи! – взмолилась Мила. – Он отцу расскажет.

– Пусть! – Оксана решительно стала, все платье было облеплено сеном. – Только Бурана запрягу и поеду. Домой пока не ходите, тут отсидитесь, чтоб меня искать не начали. Я с заднего двора уеду.

Оксана одела Бурану седло, вывела из сарая, умело забралась к нему на спину и выехала со двора. Кузнец жил почти на краю деревни – дальше только лес с болотами и топями. Конь прогулке обрадовался, и быстро перешел в рысцу, едва любимая хозяйка стукнула его по худым бокам. Медлить было нельзя, а то она передумает.

Ворота кузницы были распахнуты настежь. Оксана подобралась ближе и остановила Бурана, позволив ему, наконец, пощипать траву. Прищурилась, всматриваясь внутрь крепкого строения – внутри было темно, слепящее солнце не позволяло рассмотреть, был там кузнец, или нет.

А потом он выглянул, и сердце у Оксаны замерло, остановилось и стучать перестало. Первые минуты они молча рассматривали друг друга. Никола носил длинную бороду, но голову стриг коротко. Роста он был высокого, телосложения крепкого, руки походили на молоты, льняная рубаха расстегнута на груди, на лбу выступила испарина. Карими глазами он буравил Оксану, словно видел ее насквозь.

– Зачем пришла? – рявкнул он, и внутри нее что-то оборвалось от страха.

– Это правда, что отец говорит? – Оксана набралась сме-

лости и спросила.

– Твой отец много чего говорит, – он сунул руку в карман кожаного рабочего фартука.

– Что вы ко мне свататься хотите? – голос дрогнул, она случайно сдавила ногами Бурана, и тот недовольно зафырчал, мотнув головой.

Никола и бровью не повел – ни удивления, ни злости. Даже не шевельнулся.

– Если это так, то лучше не приходите, – еле слышно сказала Оксана. – Замуж за вас я все равно не пойду!

Последние слова она выкрикнула, испугалась собственного голоса, натянула поводья и рванула коня с места. До самого дома мчала Бурана в галоп. Забежала в сарай, сняла седло, прижалась к стене и еле смогла отдышаться.

Глава 4

Весь остаток дня мать ни словом не обмолвилась об утреннем разговоре. Люба вела себя так, будто и не случилось ничего. Тихон ушел и до самого вечера не объявлялся. Пришел поздно, злой и трезвый, поел щей со сметаной и завалился спать. Люба тут же юркнула к нему под бок. Когда возня, доносящаяся из их спальни, закончилась, Мила с Оксаной выбрались на кухню и тихонько поужинали.

– Видишь, ни словечком папка не обмолвился, еще и злой пришел, значит спаслась ты в этот раз, сестренка, – прошептала Мила, громко хлебая остывшие щи из ложки.

– Может кузнец отказался? Не зря, получается, я к нему ходила, – Оксана только на это и надеялась.

Но дурное предчувствие не отпускало. Сегодня она от Николы избавилась, а завтра отец ей нового жениха найдет? Раз уж Тихон решил старшую дочь замуж отдать, то так легко не сдастся. Оксана осознавала, что нормальной жизни в родительском доме у нее больше не будет. И в мыслях без остановки крутился вопрос – что ей делать и как спастись?

Они вымыли тарелки и отправились спать. Завтра Оксана еще до рассвета должна отправиться в сарай и переделать все хозяйские дела. Она легла рядом с Милашкой и прижалась к ее теплому боку.

– Оксанка, если ты бежать надумаешь, то и меня с собой

возьми, ладно? Я тут без тебя не останусь. Утоплюсь лучше, – прошептала Милашка.

– Спи, дура, топить она уже собралась...

Оксана сначала не заметила, как уснула, а потом проснулась и не поняла, как ночь так быстро пролетела. Начало светать. Мила развалилась на всю кровать и пускала слюни на подушку. Осторожно поднявшись, Оксана надела свое любимое коричневое платье в мелкий цветочек, подвязала волосы платком и ушла во двор. Накормив животных, подоив корову и угостив кота парным молочком, Оксана зачерпнула из колодца ведро воды и умылась. В животе заурчало, и она пошла в сторону дома, рассчитывая успеть в тишине попить чаю с плюшками. Каким же было ее удивление, когда она увидела на кухне мать, замешивающую тесто. На плите кипела кастрюля с мясом, ровным рядком на полу были расставлены банки с соленьями, вытащенные из подпола.

– Доброе утро, – Оксана поставила ведро с молоком на тумбу и стянула с головы промокший от пота платок. – А что за праздник намечается?

Люба подняла на дочь тревожный взгляд, посыпала кругляш теста мукой и начала мять его с такой силой, будто хотела изничтожить.

– А то сама не знаешь? – ответила она.

У Оксаны кольнула под ребрами.

– В обед Никола со сватами придет, стол собираю.

– Но я же... – Оксана осеклась. Признаваться матери, что

она бегала в кузницу не стоило. – Я не пойду за него. Откажу, так и знай. Выгоните меня? Да пожалуйста. Изобьете? Да бога ради! Все лучше, чем с этим стариком в койку ложиться!

– Никакой он не старик! Мой ровесник! – разозлилась Люба.

– Вот ты с ним и ложись, – выпалила Оксана, не успев сообразить, что с матерью разговаривает.

Люба в долгу не осталась – влепила ей звонкую пощечину, оставив мучной след на лице.

– Прекрати орать, дура! – прошипела она на дочь. – Эгоистка несчастная, только о себе и думаешь! А о Буране своем ты подумать не хочешь? Отец на мясо его первого пустит, если ты взбрыкнуть надумаешь! И корова туда же следом отправится... Как мы выживать будем вчетвером? Жрать что будем, а?

Оксана попятилась к выходу. Она и думать боялась о том, что отец посмеет Бурана заколоть. А теперь поняла – еще как посмеет, ей назло. И чем кузнец хуже, чем ее родная семья?

– В баню иди, лохмы вымой да причеши, – Люба вернулась к тесту. – И только попробуй все испортить – я тебя никогда не прощу!

Оксана выскочила из дома, чуть не потеряв калошу. Она заперлась в остывшей с вечера бане и проплакала целый час. Затем налила в таз воды, разделась и как следует вымылась. Милашка ломилась к ней в дверь, стучала, кричала, но Оксана не ответила ей. Она не хотела ни с кем разговаривать.

А после обеда явился Никола со сватами. На подмогу он позвал председателя деревни Федора и соседа Тихона – Гришку. Люба приветливо встретила гостей и пригласила в убранный дом. Усадила за накрытый стол, принесла бутылку самогонки и уселась в уголке, передав бразды правления мужу. Оксана и Мила спрятались за печкой и не показывались, только подслушивали, о чем речь пойдет. Никола пить отказался, как Тихон его не уговаривал.

– За другим я пришел, – тихим басом ответил он.

– Люба, Тихон, мы привели кузнеца Николу, чтобы просить руки вашей старшей дочери, Оксаны, – начал речь председатель, который был мастер чесать языком. – Никола хорошо живет, у него большой дом, хозяйство, скотина, кузница. Будет ваша дочь, как за каменной стеной.

– Так нам такой зять только в радость, – защебетал Тихон. – Мы своей Оксане только лучшего желаем. Она у нас умница и красавица.

– И скотина на ней, и порядок в доме, – подхватила сладкие речи мужа Люба. – Все умеет, что порядочной жене требуется.

– Не гулящая, разумеется, – добавил Тихон. – Я за своими девками хорошо слежу, они у меня вот где обе!

Он сжал кулак и потряс им над столом.

– Ты, Никола, скажи насчет выкупа за невесту, – Григорий опрокинул рюмку и поморщился.

Тихон с Любой тут же разулыбались.

– Выкуп хороший дам, – медленно ответил Никола. – Часть деньгами, по сумме не обижу, на пару лет сытой жизни хватит, двух лошадей, двух коров, новую телегу и полсотни кроликов.

– Хорошее, очень щедрое предложение, – согласился за родителей председатель. – Что скажете?

Федор сунул в рот соленый огурец и посмотрел на Тихона и Любу. Те переглянулись. Оксана за печкой затаила дыхание и впилась ногтями Милашке в руку. Они уже давно все решили. И спрашивать не стоило. Если только так, для приличия.

– Нам главное, чтобы наша дочь была счастлива... – пробубнила Люба и шмыгнула носом. Уж не пустить ли слезу собралась?

– Я знаю, Никола, что ты мужик серьезный и надежный, Оксанку нашу не обидишь, любить будешь, заботиться. У меня возражений нет, – ответил Тихон.

– Тогда и порешили, теперь можно и отпраздновать, – председатель хлопнул в ладоши.

– Подожди, успеешь, – остановил его Никола. – Хочу от невесты услышать, что она согласна.

– Согласна, конечно, просто стесняется, волнительно для нее это все... – защebetала Люба, заикаясь.

– Вот пусть выйдет и скажет. Как услышу ответ, так сразу к свадьбе и начнем готовиться, – настаивал Никола.

Оксана попятилась и прошмыгнула в комнату. Мила по-

мчалась за ней. Через несколько минут к ним пришла Люба.

– Оксана, – ласково обратилась она к дочери. – Иди, Никола зовет тебя, ждет ответа.

– Не хочет она за него идти! – вступилась за сестру Милка. – Ты же мамка ее, ты не должна принуждать.

– Он выкуп хороший дает, не выживем мы без этих средств. Пожалей нас с отцом и скотину, ведь последки на мясо пойдут. А впереди зима.

Оксана молчала. Внутри нее бушевало пламя. И как только она согласится, ее внутренний свет погаснет навсегда. Она уже ненавидела Николау всей душой. И понимала, что это чувство только окрепнет со временем. Но Буран и Мурашка... даже Фроську ей было жалко. Когда отец резал вторую корову, она в сарай неделю не могла без слез входить. И ведь не остановили Николау ее слова, раз приперся.

Оксана откинула назад длинные русые волосы и пошла на кухню. Отец всю обсудил предстоящее гуляние с мужиками. Один Никола участия не принимал. Сидел, как глыба на табуретке, и помалкивал. Увидев Оксану, он нахмурился. Она вскинула подбородок и поджала губы.

– Оксаночка, доченька, – протянул к ней руки захмелевший отец. – Согласие твое на брак требуется. Ну, чего молчишь?

– Замуж я тебя зову, Оксана. Пойдешь за меня? – обратился к ней Никола.

Она застыла, втянула носом воздух, и ухватилась рукой за

холодную печь. От ее ответа зависело слишком многое. И в первую очередь, ее собственная судьба. Если она согласится, то погибнет от горя в мужнином доме. Если откажется – в отцовском. Так какая разница, где умирать?

– Да, – тихо ответила Оксана, и у нее подкосились ноги.

Глава 5

Свадьбу собрали быстро. Погода позволяла поставить столы в саду, Люба быстро созвала местных баб на подмогу. Всего четыре дня Оксана дала на свободную жизнь. И она провела их в постели. Она не могла ни есть, ни пить. Милашка с Ульяной часами сидели у кровати, стараясь ее хоть немного взбодрить. Утренние хозяйские дела легли на плечи Милы, но она терпеливо сносила все неудобства. Тем более, как только Оксана уедет к Николе в дом, ей придется самой следить за скотиной.

Сотню раз за эти бесконечно долгие дни Оксана пожалела о своем решении. Зато Тихон был просто счастлив. Даже съездил в соседнюю деревню к портнихе и заказал для дочери приличное платье.

Люба же чувствовала свою вину и избегала общения со старшей дочерью. Уж больно ее внешний вид давил на больную мозоль. Однако накануне свадьбы она все-таки пришла.

Выпроводила любопытную Милашку за дверь и села на край кровати. Оксана не повернулась к ней и никак не отреагировала.

– Завтра свадьба, – Люба погладила дочь по ноге. – Ты вся ледяная, укройся одеялом.

Оксана продолжала молчать.

– Он будет тебе хорошим мужем, Оксана, – Люба не теря-

ла надежды достучаться до дочери. — Ты очень нравишься ему. Сам же к тебе посватался, осмелился к отцу обратиться, несмотря на разницу в возрасте. Ты еще благодарить нас будешь за то, что мы настояли.

Оксана резко повернулась и села, облокотившись на стену и поджав под себя ноги.

— А вы меня благодарить будете за то, что на мне обогатились? — выпалила она матери в лицо, позабыв и про страх, и про уважение, от которого толком ничего и не осталось.

— Будем, дочка. Ты спасла свою семью, хоть и дорогой ценой. У меня всю оставшуюся жизнь будет болеть за тебя душа. Ты видишь то, что творится у тебя перед носом, но многое скрыто от твоих глаз. Твой отец тяжелый человек. Каждую свою неудачу он вымещает на нас. Вот уже двадцать лет я слушаю ежедневные упреки в свою сторону. И еще столько же буду слушать. И главная проблема всего — деньги. Сейчас тебе кажется, что это не так. Потому что тебе не нужно искать, что поставить на стол, чем прокормить своих детей. И как успокоить мужа неудачника, подтолкнуть его вперед, помочь ему не сдаться. Тихон не всегда был таким. Он просто устал от собственных неудач. И если бы не я, он бы давно умер под забором.

Оксана закусил губу до боли. Ей хотелось крикнуть в лицо матери, что она совершила страшную ошибку, позволив ему выкарабкаться из ямы, в которой он оказался только по своей вине. Он пропил свое здоровье, свою честь, и каждый

месяц пропивает те несчастные крохи, которые еще может зарабатывать. Если бы не родители матери, бедные бабка и дед, труженики, то их семья давно бы пошла по миру. И тому есть доказательство – умер дед, за ним следом бабушка, и Тихон озверел, озлобился, потеряв тех, у кого вечно занимал.

– Ему никого не жаль, кроме себя, – шепотом ответила матери Оксана. – Твои жертвы напрасны, он не оценит. Посмотри на себя мама, в кого ты превратилась из цветущей красавицы? В молодую старуху с потухшими глазами. Потому что прозябаешь рядом с человеком, который тебя обижает. Не деньги главное, мама, а любовь. И ты никогда не переубедишь меня в обратном. И вы отняли у меня шанс любить.

– Оксана... – Люба сгорбилась, и стала такой маленькой под ненавистным взглядом дочери, что Оксане стало ее жаль. Но каждый сам выбирает своей путь. Или не выбирает, за него это умело делают другие.

– Завтра вечером я стану женщиной, – у Оксаны по щекам покатались слезы. – И то, что я считала чем-то прекрасным и таинственным, станет моим крестом. Я не смогу принять его. Не буду с ним ласкова и нежна. Не захочу рожать ему детей, а потом бояться, что однажды меня вместе с ними найдут мертвыми на болоте. И мне не жаль себя, мне жаль моих не рождённых еще ребятишек. А почему тебе не жаль дочерей, которые уже есть?

– Я вижу твой гнев и твою боль, Оксана. И понимаю, как

сильно ты обижена на меня. Но я все же дам тебе материнский совет. Постарайся принять Николу. Ласка и тепло творят чудеса. Он работающий и непьющий, на сватовстве и глоточка не сделал, а это хороший знак. Приласкай, приголубь, выслушай, накорми, и станет твой муж самым милым для тебя.

– Нет, мама, – Оксана замотала головой. – Я не смогу притворяться и играть, не такой у меня характер. И пусть Никола каждый прожитый под одной со мной крышей день знает и чувствует, как сильно я его ненавижу. Я ведь ходила к нему в кузницу, когда узнала обо всем.

– Что ты, дочка! – Люба вскрикнула и вытаращила глаза. – Зачем?

– Чтобы сказать, что не хочу идти за него. А на следующий день он явился со сватами. Он знает, что неволит меня. И все равно делает это. И ты предлагаешь мне обхаживать его? Буду лежать на супружеской постели, как бревно. Пусть видит, как мне противны его прикосновения.

Люба вскочила с кровати, как ошпаренная. Она так странно посмотрела на Оксану, что той стало не по себе.

– Ты уже была с кем-то, Оксана? Признайся, не ври мне! Говоришь так, будто разбираешься...

– Нам с Милашей хватает того, что мы слышим, как отец насилует тебя за стенкой каждую ночь.

Люба замотала головой и выбежала из спальни. Оксана легла, поджала под себя ноги и уставилась опухшими от слез

глазами в стену.

Глава 6

Следующим утром Оксана вернулась из сарая вся в слезах. Она вычистила загоны, всех накормила и напоила, подоила Мурашку, угостила молоком кота, крепко обняла Бурана за могучую шею – в последний раз. Сегодня ее отдадут замуж за Николу, и она отправится хозяйкой в мужнин дом. Что ее там ждало – одному богу известно. Оксана и не хотела об этом думать. У нее вообще ни на что не осталось сил.

Оксана вернулась в дом и разлила парное молоко по банкам, затем снесла их в погреб и поставила на полку. Люба с раннего утра крутилась на кухне, но на дочь старательно не обращала внимания. Обиделась. Зато Милашка крутилась у сестры под ногами и все заглядывала в глаза, словно надеясь, что у проворной Оксанки зреет план побега и избавления от незавидной участи. Только никакого плана не было.

– В баню иди, от тебя скотиной несет! – рывкнула на дочь Люба.

– Не пойду, пусть Никола нюхает! – огрызнулась Оксана, но потянулась за полотенцем.

– Я с тобой, – тут же увязалась хвостом Мила. – Волосы помогу промыть и крапивной водой ополоснуть.

– Лучше бы матери помогла столы накрыть, – недовольно ответила младшей дочери Люба.

– Так сейчас тетя Катя придет, она и поможет, а потом и

я подключусь, – защebetала Мила, боясь, что мамка ее не отпустит.

– Проститься она со мной хочет, не мешай, – безразличным голосом сказала Оксана и взяла сестренку за руку.

В бане было жарко, отец уже час назад как растопил, а сам поехал к портнихе за платьем. Оксана повесила фуфайку на крючок в предбаннике, туда же отправила и платье. Избавилась от белья и шагнула в саму баню. Жар от котла вцепился в прохладную кожу, и стало тяжело дышать. Оксана распустила волосы, бросила ленту на подоконник и посмотрела в старое затертое зеркало. Раньше она обожала любоваться собой, когда приходила мыться. Да и где еще она могла себя хорошенечко рассмотреть, как не здесь? Она провела пальцами по длинной худой шее, спустилось до грудей и положила на одну ладонь. А потом сжала и зло посмотрела на собственное лицо. Неужели этой ночью ее тела коснется ужасный Никола?

– Оксанка, ты чего делаешь?

Она обернулась. Разголышавшаяся Милашка стояла с тазиком около крана с горячей водой. Фигура у ее сестры только начала вырисовываться – бедра еще не округлились, а груди не налились, только на лобке чернел пушок. Но из угловатого подростка Милка потихоньку превращалась в девушку, причем очень красивую. Оксана вздохнула.

– Я не знаю, что мне делать. Как представляю, что он меня ночью... так в груди все сдавливает...

– А ты не давайся ему! – предложила Мила, черпая из бочки холодную воду для разбавки. – Скажи, что не согласна, пока его не полюбишь.

– Дурак он по-твоему, что ли? Мужики для того и женятся, чтобы получать доступ к телу и издеваться над женой, когда им захочется.

– Если быстро забеременеешь, то он тебя касаться не станет, я слыхала, как тетя Катя про это мамке говорила, – Милка подняла тяжелый таз и потащила к полке на полусогнутых ногах.

– Не стану я ему детей рожать, еще чего! – Оксана зачерпнула ковш теплой воды и вылила на голову.

– Как будто у тебя выбор есть, – Мила взяла второй ковш и встала рядом.

– Придумаю что-нибудь, – ответила Оксана, но пока в ее голове не было ни одной идеи.

Когда они вернулись из бани, то обнаружили полный дом народу. Мужики ставили столы в саду под яблоней и таскали стулья. Бабы жарили, парили, резали, украшали, раскладывали, смазывали и несли на столы.

– Оксанка, а ты чего еще не готова? – Катерина всплеснула руками и обняла ее. – Ну и красивая же ты будешь невеста! Просто загляденье!

– Отец платье привез, – Люба сменила утренний тон, решив не давать соседям лишних поводов для пересудов. – Иди одевайся, дочка. Милка, помоги ей.

Оксана вошла в комнату и посмотрела на платье. Не было в нем ни намека на торжественность и шик, если не считать белого цвета и тонкой сетки фаты, прилагающейся в комплекте. Милка сразу схватила платье, приложила к груди и ахнула, будто это для нее.

– Может вместо меня за кузнеца пойдешь, а? – Оксана ущипнула ее за тощий зад, и та взвизгнула и вывернулась.

– Дура! – Милка швырнула платье на кровать.

Оксана рассмеялась – впервые за последние дни, а потом рухнула на кровать и расплакалась.

– Ну ты чего, лицо красное и опухшее будет, – Мила села рядом и обняла ее.

– А вдруг Никола запретит мне с тобой и Ульянкой видаться?

– Как это – запретит? Мы что, в каменном веке живем? Встанешь и пойдешь, вот еще! А если станет что говорить, то ты... – Мила осеклась, не придумав продолжение.

– Ладно, – Оксана встала и вытерла слезы. – Пора.

Когда Оксана в сопровождении сестры вышла в сад, гости уже собрались. Никола прибыл в компании нескольких мужиков и во всю принимал поздравления. Он нарядился в белую рубаху, подпоясался кожаным широким ремнем, подстриг бороду покороче и зачесал волосы.

– Дочка! Красавица! – крикнул на весь двор Тихон, и Никола обернулся.

Их с Оксаной глаза встретились. Она пыталась разглядеть

в них хоть одну эмоцию, но не смогла. Председатель хлопнул в ладоши и взял слово.

– Раз главные участники собрались, прошу вас сначала подписать бумагу, – Федор раскрыл папку и достал документы. – Отвезу в город, поставлю печати и верну вам свидетельство о браке, а вы его в рамочку поставите и на стенку повесите.

Никола подошел к Оксане, и она подняла голову, чтобы видеть его хмурое лицо. Он протянул ей руку, она подала свою и позволила жениху проводить себя к столу. Едва они сели рядом, Федор подсунул им бумаги.

– Я должен еще раз спросить, по инструкции, оба ли вы согласны? – он сунул ручку Николе.

– Я согласен, – грозно, но тихо ответил кузнец.

Оксана молчала. Как только она произнесет это короткое слово, ее мир рухнет.

– Оксаночка? – председатель широко улыбнулся. – Ты согласна пойти за Николу?

Оксана посмотрела на отца. Он уже успел продегустировать соседский самогон и сидел с красной рожей. Затем она перевела взгляд на мать. Люба сложила руки на груди, будто собралась молиться, а может этим и занималась. Было в ее глазах столько грусти, боли и вины, что Оксана вздрогнула и пошатнулась.

– Да, согласна, – шепотом ответила она и сморгнула потяжелевшую слезинку.

Гости не пожалели восторженных возгласов, зазвенели рюмки, застучали ложки, затянули печальные песни голосистые бабы. Оксана не притронулась к еде. Только опрокинула в себя рюмку, залив душевную горечь той, что обожгла пустой желудок.

Веселье длилось до самого вечера. Велело было всем, кроме жениха с невестой. Даже Милашка с Ульяной не удержались и пустились плясать, охваченные общим задором. Никола сидел на стуле столбом, ни разу не взглянув на молодую жену.

Вдруг он поднялся и коротко откашлялся. Все внимание обратилось на него.

– Тихон, Люба, спасибо вам за вкусный стол и за веселье. И за дочь. Все, что мы обговорили, я привез и передал. Теперь нам пора идти к себе домой. Пойдем, Оксана.

Он протянул ей руку, крепко сжал ладонь и помог встать. Оксана почувствовала, как становятся ватными ноги, а сердце готовится выпрыгнуть из груди.

Глава 7

Отвезти молодоженов на другой край деревни вызвался председатель, он и сам как раз собирался домой. Никола помог Оксане сесть на заднее сиденье председательской машины, а сам устроился впереди рядом с Федором.

– Хорошая свадьба, веселая! – сказал председатель и нажал на сигнал, чтобы разогнать стаю гусей, растянувшуюся на пол дороги. – Живите теперь долго и счастливо, ребяташек рожайте, да побольше!

– Спасибо, – ответил ему Никола и посмотрел в окно.

Оксана рассматривала затылок мужа, его крупные уши, большой нос с горбинкой и дивилась, что отныне этот человек и есть ее семья. Они даже ни разу не поговорили толком. Что она о нем знает? Ничего. А он о ней и того меньше. Про Оксану по деревне слухи не гуляли.

Машина ехала медленно, подпрыгивая на кочках и проваливаясь в ямы, тархтя мотором и выплевывая в след серые вонючие облака. Но Оксане хотелось, чтобы она ехала еще медленнее. Чем ближе они подбирались к дому кузнеца, тем сильнее на нее накатывала тошнота. Что ждет ее этой ночью? Посмеет ли Никола прикоснуться к ней против воли? Оксане казалось, что она не вытерпит брачной ночи, убежит босиком в лес и сама прыгнет в тягучее болото.

Вдруг фары выхватили ворота кузницы, и Оксану обуял

животный страх. Она приросла к сиденью и не могла пошевелиться.

– Ну, не спокойной вам ночи, – со смешком в голосе сказал Федор, ожидая, когда они покинут его транспорт.

Первым выбрался Никола, открыл дверцу и протянул Оксане руку. Его ладонь была горячей, большой и шершавой. Он помог ей выбраться, повел к высокой калитке и пропустил вперед. Двор у кузнеца был большим, хозяйство он держал крепкое, но Оксана не смогла даже взглядом обвести его владения. Она сжалась от страха и тряслась, как осиновый лист.

Никола отпер дверь ключом и зажег в доме свет.

– Теперь это и твой дом, – тихо сказал он. – Завтра утром начнешь хозяйничать и изучать все как следует. А сегодня...

Он не договорил, да и не стоило. Что ее ждало сегодня, Оксана и без него знала. Когда-то она мечтала влюбиться до смерти, а потом отдаться любимому на сеновале и познать все прелести любви. Наивная дура.

Никола привел ее в темную спальню, по стенам которой крались отблески луны. Оксана встала у большой высокой кровати и обхватила себя за плечи. Она не хотела смотреть на Николу, который подошел к ней так близко, что кожу обжигало его ровное дыхание.

– Ты боишься меня, Оксана? – он коснулся ее лица и приподнял вверх подбородок.

Их взгляды встретились, только Оксана не рассмотрела

ничего, кроме темных кругов глазниц.

– Я боюсь того, что должно случиться, – честно призналась она.

– Каждая женщина боится первой брачной ночи, – кузнец снял с нее фату и бросил на пол, а затем вытащил заколку из толстой косы и распустил русые волосы.

Каждое его прикосновение заставляло Оксану вздрагивать и рвано вздыхать. Никола погладил ее по голове, перешел на шею, затем спустился до плеча и легонько сжал крепкой рукой. Оксана стояла столбом и не шевелилась. Никола расстегнул мелкий ряд пуговичек на белом платье и коснулся горячей рукой ее прохладной кожи.

– Подожди, – Оксана отпрянула, пошатнулась, но Никола схватил ее и прижал к своей груди.

А затем потянулся и поцеловал. Его жесткая борода неприятно колола щеки, но огненные влажные губы впились в нежные Оксанины, настойчивый язык проник в рот и коснулся ее языка. Из груди Николы вырвался вздох, он положил руки на Оксанину спину и еще крепче прижал к себе. Она уперлась ладонями в его грудь, намереваясь оттолкнуть от себя, поймать хоть немного воздуха, но Никола стал только настойчивее. Он терзал ее губы, ласкал языком ее маленький язычок и все смелее тискал стройное тело сквозь ткань свадебного платья.

Наконец он отстранился, и она задышала громко и прерывисто. Радость была недолгой – Никола собрал обеими рука-

ми подол и стянул одним рывком с нее платье через голову. По телу Оксаны пробежал холодок, хотя в доме было жарко. Никола расстегнул тонкую застежку лифа и швырнул его в сторону. Оксана закрыла груди ладонями, не желая даже в полумраке позволять ему на себя смотреть. Никола заметил это, поэтому убрал ее руки в стороны, и коснулся маленьких темных горошин ее сосков. Оксана вздрогнула, никогда прежде не чувствуя ничего подобного. В горле пересохло, ей захотелось попить воды. Но просить она не решилась.

Никола подвел ее к кровати и положил, бережно придерживая за спину. Оксана провалилась в пушистую перину и почуяла чужой незнакомый запах от простыней. Теперь так пахнет ее дом. И ее муж. Она хотела зажмуриться, но не смогла – боялась пропустить хоть одно движение Никола, потерять бдительность и позволить ему совершить с ней то, к чему она была не готова.

Никола снял рубашку, расстегнул ремень – Оксана услышала, как звякнула в тишине металлическая бляшка – и избавился от штанов. Затем подхватил тонкую ткань трусиков Оксаны и потянул на себя.

– Теперь я твой муж, и ты не должна меня бояться, – хрипло сказал он. – Близость между нами должна стать для тебя обычным делом. А сейчас просто доверься мне, ладно?

Он ждал ответа, но Оксана не могла и слова вымолвить. Ее парализовало, она не могла ни думать, ни говорить. И тогда Никола забрался на кровать, оперся на колени и потянулся

к ее обнаженному телу. Его руки нагло исследовали ее, ласкали упругие груди, гладили живот, спускались к покрытому жесткими волосками лобку. Оксана постаралась стиснуть ноги, чтобы не позволить ему коснуться самого сокровенного. Но Никола резко развел их в стороны и заставит согнуть в коленях. Его палец скользнул к влажной складочке, и Оксана вскрикнула. Никола не убрал руку, наоборот, его движения стали более настойчивыми. Оксана не могла этого терпеть, не хотела. Живот неприятно скрутило, она постаралась выгнуться, чтобы высвободиться от этой муки.

И тогда Никола подхватил ее за бедра и притянул к себе. Теперь он сам оказался у нее между ног, лишив возможности вырваться. Он навис сверху, прижался к ней своим огненным телом и снова поцеловал. Теперь Оксана была готова к поцелую, и сама открыла рот, впуская в себя его настойчивый язык. Она старалась делать тоже самое, что и он, но никак не могла поймать ритм.

О близости с мужчиной ей многое было известно, но совсем иначе она себе это представляла. Раньше картина виделась ей со стороны, но она и подумать не могла – какого это – лежать под тяжелым крупным мужчиной и чувствовать, как его возбужденный орган упирается в лобок. Она испугалась, что он резко ворвется в нее и она испытает жгучую боль, которой так пугали друг друга юные девушки перед замужеством.

Но Никола все тянул. Он трогал и гладил ее, целовал и

ласкал. А потом приподнял одной рукой бедра, а второй чуть сильнее отвел ее ногу в сторону. Она догадалась, что именно сейчас это произойдет, и зажмурила глаза.

Он вошел в нее медленно, плавно и осторожно. Она чувствовала, как все внутри нее сопротивляется ему, как чему-то чуждому и чужеродному. Никола протолкнулся вперед, и Оксана почувствовала боль. Все? Это все? Но Никола, выждав несколько секунд, сделал новый толчок. А потом еще и еще. Боль усилилась, пока она не почувствовала, как внутри что-то хрустнуло, надорвалось и загло.

Оксана простонала и попыталась столкнуть с себя Никола, но он лишь сильнее придавил ее своим телом.

– Потерпи, милая, – прохрипел он ей на ухо и тихо простонал.

Острая боль отступила, оставив только тупую и пульсирующую. Никола начал двигаться быстрее, ускоряясь все больше и больше. А потом замер и запрокинул вверх голову. Оксана ощутила, как он пульсирует внутри нее и поняла – ее первая брачная ночь состоялась.

Глава 8

Баня у кузнеца была большая и просторная. Пар обволакивал бревенчатые стены, как будто сама изба дышала – глупо, влажно, с запахом раскаленного камня и старого можжевельника. У зажиточного хозяина баня была не просто для мытья, а почти храм: полки из гладкого осинового дерева, выструганные до шелковистости, ведра медные, начищенные до блеска, на полке – березовый веник, плотный, как сноп, перевязанный льняной ниткой. В углу, под полотенцем – кувшин с квасом и глиняная чаша с солью, а на стене – маленькая икона в простом киоте, будто бы охраняющая это место от нечистого.

Но Оксана не видела ни блеска, ни уюта. Она вошла, прижимая к груди простыню, будто щит, и остановилась у порога помывочной комнаты, будто боялась потревожить нарыв, зияющий внутри. Воздух был горячим и густым, обжигал кожу, и в нем витал чужой запах – пота, воска, мужского духа, от которого ее передернуло. Она сбросила простыню, не глядя на себя в зеркало, висящее во всю стену. Она испугалась, что расплачется, как только посмотрит самой себе в глаза, и уже не сможет остановиться. Ее пальцы дрожали, когда она черпала воду из кадки – холодную, живую – и лила на раскаленные камни. Шипение пара стало почти криком.

Густое облако поднялось к потолку и медленно осело, окутав свою новую хозяйку.

Она не хотела этой бани. Не хотела этих полок, этого венника, этого права – быть хозяйкой имущества кузнеца. Все, что ей было нужно – смыть с кожи, с волос, с души следы чужих рук, чужого дыхания, чужой ночи, что навязали ей как судьбу. Она терла плечи жесткой мочалкой до боли, будто пыталась стереть не грязь, а саму память. Пар бил в лицо, но она не плакала – только дышала, коротко и часто, как загнанная птица. Оксана коснулась рукой промежности и почувствовала, как нежная кожа припухла. На пальцах остался едва заметный кровавый след, и она посмешила смыть с себя последствия сделанного кузнецом.

Ей хотелось сбежать домой, спрятаться в сарае и больше никогда оттуда не выходить. Как она вернется к Николе? Как ляжет рядом с ним в чужую постель? О чем будет с ним говорить? Ей не верилось, что теперь этот мужчина – ее муж.

Тихо скрипнула дверь, и Оксана вздрогнула. Страх волной пробежал по телу, больно заколов распаренную кожу. Она обернулась. На пороге стоял Никола – огромный, сильный и совершенно нагой. Оксана невольно посмотрела туда, куда ей не следовало смотреть и ахнула. Между ног у Николы торчал не орган, а настоящий черенок от лопаты. Оксана попыталась, прижимая мокрые ладони к груди. Никола подошел к полке, зачерпнул ковш воды и вылил себе на грудь. А затем зачерпнул еще один и смыл с Оксаниной груди мыль-

ную пену. И коснулся ее... снова...

Оксана не ждала его. Ей казалось, что после брачной ночи между ними ничего уже и не будет, как будто самое страшное уже произошло и осталось позади.

Никола подошел к ней сзади и прижался грудью к ее спине. Влажный жар сгустился между ними, будто стены бани сжались. Она замерла, не в силах ни отстраниться, ни обернуться. Ее пальцы впились в край полки, ногти царапнули гладкое дерево.

Он не сказал ни слова. Только дышал – глубоко, ровно, как будто все происходящее было естественно, как вода в кадке или пар над камнями. А для нее это было чужим, неправильным, почти святотатственным. Она не знала, куда деть взгляд, куда спрятать тело, как унять дрожь в коленях. Все внутри сжалось в комок – не от желания, а от страха быть снова использованной, снова не спрошенной, снова просто... нужной ему для плотских утех.

Его ладонь легла на ее бедро – теплая, тяжелая. Не грубая, но и не нежная. Просто... присутствующая. Как будто он утверждал свое право на нее.

Оксана закрыла глаза. В горле стоял ком, будто она глотала дым. Хотелось вырваться, но куда? За дверью – деревня, ночь, люди и мать, которая сказала: «Так надо. Так положено». А здесь – только пар, тишина и этот мужчина, чье тело она видела впервые так откровенно, чье имя теперь носит, чье дыхание обжигает ее затылок.

Он прикоснулся к ее волосам, мокрым и спутанным, осторожно отвел прядь с шеи. Движение было неожиданно мягким. Она вздрогнула оттого, что в этом жесте промелькнуло что-то похожее на заботу. И от этого стало еще страшнее: если он добр, то как она будет ненавидеть его за то, что с ней сделали? Что он с ней сделал...

– Не бойся, – негромко сказал он. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – солгала Оксана, не желая показывать ему своих истинных чувств.

– Я рад, – его влажная рука скользнула ей между ног и погладила. – Ты очень красивая, Оксана. Несколько лет у меня не было женщины, и я доволен, что женился именно на тебе. Мне нужна хорошая и послушная жена. Именно такой ты для меня и станешь.

Никола развел ее ноги в стороны и потянул на себя круглые бедра. Оксана выгнулась и уперлась руками в стену. Он вошел в нее плавно, одним длинным толчком и замер. Стон вырвался из его груди. Оксана вскрикнула, но больше от неожиданности, чем от боли.

– Я научу тебя всему... – прохрипел кузнец. – Начинай двигать бедрами, будто танцуешь.

Оксана не собиралась этого делать. Она готова была позволить ему обладать собой, согласна была потерпеть, но не могла отдать ему ни капли своей нежности. И тогда Никола просто взял ее за бедра и сам начал делать ими круговые

движения. Она еще сильнее прогнула спину и еще крепче вцепилась в стену.

– Вот так мне нравится, ты поняла?

– Поняла, – ответила Оксана.

Наигравшись вдоволь, Никола помог ей забраться на лавку и опереться коленями на деревянный настил. Он снова вошел в нее, но теперь уже двигался сам, ускоряясь все сильнее. На этот раз время тянулось долго, он все никак не мог насладиться молодой женой. Рука Николы скользнула по Оксаниной груди и больно сжала твердый сосок. Она простонала, потому что боль вдруг показалась ей какой-то сладостной и непривычной. Услышав ее голос, он прижал свои бедра к ее и замер. Снова запульсировало внутри. Никола вздохнул и обмяк, по-прежнему не отпуская ее.

Все закончилось. Она испытала облегчение. Теперь ей хотелось, чтобы он поскорее вышел из нее и отпустил. Только надолго ли? Сколько ему нужно раз, чтобы вдоволь насладиться и насытиться?

Он вышел из нее и помог подняться. Она схватила ковш, намереваясь поскорее отмыться от его соков, которые медленной струйкой стекали по внутренней поверхности бедер. Но вдруг сознание помутилось, Оксана пошатнулась и последнее, что она запомнила, как Никола ловит ее в свои объятия и прижимает к груди.

Глава 9

Оксана открыла глаза и осмотрелась. Солнечный свет заливал комнату, голова утопала в мягких подушках, тело изнывало от жары, укутанное в теплое пушистое одеяло. Никола сидел у нее в ногах, одетый в темную рубаху и штаны из плотной грубой ткани. Он смотрел на нее. Увидев его хмурый взгляд, Оксана испугалась и прижала край одеяла к груди.

– Проснулась, – он вздохнул. – Долго же ты спала.

Память медленно вернулась, и Оксана вспомнила, как они были вдвоем в бане и как она исполняла свой супружеский долг второй раз за вечер.

– Что со мной случилось?

– Ты перегрелась и упала в обморок. Я принес тебя домой, напоил травяным отваром и уложил в кровать.

Это она тоже смутно помнила.

– Раз уж теперь мы с тобой супруги, то пришла пора обсудить, как мы будем жить, – Никола отвел глаза и посмотрел перед собой. – Я вижу, что ты меня боишься и вся дрожишь, едва я к тебе прикасаюсь. Меня это не устраивает, но я готов дать тебе столько времени, сколько нужно, чтобы ты ко мне привыкла.

– А если я так и не привыкну? – Оксана набралась храбрости и спросила. – Я же пришла к тебе перед свадьбой и ска-

зала, что не пойду за тебя. Почему же ты меня не послушал?

– Я поступил так, как хотел сам. Но ты могла сказать нет, и тогда свадьбы не было бы. Разве я заставил тебя? Я просто пришел и спросил. И получил ответ.

Оксане нечего было возразить. Да, ее заставили, только не он, а люди, которых она считала своей семьей.

– Чего ты молчишь? – Оксана пугалась его тяжелого голоса, слишком уж давящим он был. – Теперь обратного пути нет, так что придется привыкать ко мне и к моим порядкам. Я не для того женился, чтобы возвращать тебя отцу.

– Я поняла, – еле слышно ответила она. – Если тебя устраивает жить с женщиной, которая тебя не любит, то пожалуйста...

Оксана привыкла дерзить, такой уж был у нее характер, только она еще не успела понять, что Никола не собирался прощать ей ее дерзости.

– Иногда любви одного хватает и на двоих, – он встал с кровати. – Поднимайся, я покажу тебе дом и пойду в кузницу.

Оксана откинула одеяло и обнаружила, что на ней совсем нет одежды. Поймав жадный взгляд Николы, она испугалась, что он снова захочет ее, поэтому быстро нырнула обратно под одеяло.

– Близость между нами будет часто, – он словно прочитал ее мысли. – И для того, чтобы ложиться с мужем в постель, вовсе не обязательно его любить. Но ласковой быть обяза-

тельно. Я не насильник, Оксана, и беру то, что принадлежит мне по праву. А ты теперь моя – и телом, и душой. И я советую тебе постараться не затягивать с тем, чтобы свыкнуться с этой мыслью. И я хочу ребенка. И ты родишь мне его.

Он вышел из комнаты, позволив ей спокойно одеться. Оксана нашла старенький чемоданчик со своими платьями и выбрала то, что поскромнее и подлиннее. Подвязав волосы платком, она вышла из спальни и обнаружила Николу на кухне.

Кухня была залита утренним светом – чистая, просторная, с широким деревянным столом посередине и полками вдоль стен, аккуратно заставленными посудой, банками с сушеными травами, грибами и крупами. На плите тихо булькала кастрюлька, откуда шел тонкий аромат травяного настоя. Все здесь дышало порядком, но не уютom – скорее, строгой, почти солдатской опрятностью.

Никола стоял у окна, спиной к ней, и, не оборачиваясь, начал:

– Столовые приборы и посуда в ящике под полкой с крупами. Хлеб держи в хлебнице, чтобы не черствел. Мука, крупы и сушеные грибы – все перед тобой. Мясо и молоко в подполе, там всего достаточно на ближайшее время. Вода для уборки – в бочке на крыльце. Питьевую носи из колодца, он около сарая. Дрова я сам наколю, тебе не надо. Постельное белье в сундуке в спальне, меняй раз в неделю, а если запахнет – сразу. Белье стирать можешь в бане, а сушить на

веранде. Веник, совок и тряпки найдешь за печью.

Он наконец обернулся. Его взгляд скользнул по ее платку, по длинному подолу платья, по сжатым пальцам. Никола едва заметно улыбнулся.

– Готовить будешь ты. Я привык есть в одиночестве, и умею со всем хорошо управляться, но теперь у меня есть жена, и я хочу, чтобы ты меня кормила. Блюда выбирай на свое усмотрение, делай так, как привыкла, если мне что-то не понравится или особенно понравится, то я скажу. Завтракаю я всегда дома. Обед беру с собой в кузницу, возвращаюсь обычно не очень поздно, все зависит от текущих заказов. Поэтому прошу тебя ждать меня к ужину. Нам нужно привыкнуть друг к другу, побольше разговаривать. Ты согласна?

Оксана кивнула, не глядя ему в глаза.

– Хорошо, — сказал Никола и подошел к ней почти в плотную.

Он наклонился и поцеловал ее в сначала в губы, а затем в висок.

– Если тебе что-то понадобится, только скажи, я сделаю все, что ты захочешь. Я ушел в кузницу. Ах, да, скотину я накормил и напоил. Но в ближайшем будущем это станет твоей заботой. Не переживай, хозяйство у меня небольшое, даже коровы нет. Молоко, сметану и творог я беру у соседки. Не скучай и не грусти.

Никола вышел и прикрыл за собой дверь. Тишина в доме сразу стала громче. Оксана постояла еще немного, прислу-

шиваясь к стуку собственного сердца, а потом медленно пошла осматривать дом.

Помимо их спальни, в доме было еще две комнаты – каждая со своим характером, будто отражая разные стороны жизни, которую ей предстояло здесь вести.

Первая просторная, явно предназначалась для того, чтобы все члены семьи могли в ней встречаться и вместе проводить время. У дальней стены стоял широкий диван с потертой, но добротной обивкой темно-синего цвета, по обе стороны – два кресла с высокими спинками, обтянутыми той же тканью. Между ними – низкий стол из темного дерева, на котором лежали берестяная шкатулка и пара восковых свечей в медных подсвечниках. Вдоль одной стены тянулся длинный стеллаж, доверху заполненный книгами: некоторые в кожаных переплетах, но основная часть в простых бумажных обложках. Оксана любила читать, но в ее доме практически не было книг, а то, что имелось в деревенской библиотеке, она уже перечитала. На полке пониже стояли деревянные фигурки – конь, птица, человек с топором – грубоватые, но сделанные с душой. Видимо, какой-то плотник преподнес Николе в качестве памятного подарка. Все здесь говорило о том, что хозяин, хоть и суров, уважал слово, гостя, решившего его навестить и порядок.

Вторая комната была совсем маленькой, едва ли больше чулана, но удивительно светлой и уютной. Два окна, выхо-

дившие во двор, заливали ее утренним светом, а стены были выкрашены в бледно-желтый, почти льняной цвет. Здесь стоял узкий письменный столик, стул с вышитой подушкой на сиденье и узкая полка с корзинкой для шитья. Вдоль стены стояла односпальная кровать. На стене висело зеркало в простой деревянной раме и несколько маленьких полотенец с вышитыми цветами – будто чья-то женская рука давно уже обустривала это место для тихих занятий и размышлений. Оксана невольно провела ладонью по спинке стула. Здесь можно было бы читать или шить. Или прятаться от мужа и тихенько плакать, если вдруг захочется пожалеть саму себя.

Оксана потопталась в дверном проеме и вернулась на кухню. Теперь это ее владения, только вот она кое-что утаила от мужа. Готовить Оксана не то чтобы совсем не умела, но мать редко подпускала ее к кастрюлям, решив, что там и учиться-то нечему. И теперь ей предстояло кормить три раза в день своего мужа. Решив, что рано ломать голову и времени еще предостаточно, Оксана вышла на веранду, окна которой выходили в цветущий сад. Она обула огромные хозяйские галоши и решила обследовать территорию. Земли у Николы было много, даже для деревни – слишком. Росли плодовые деревья, тянулись вдоль забора заросли малины, под ногами ковром расстелились кусты дикой земляники, а посреди двора раскинул ветки могучий орех. Огорода, как такового, у Николы не было. Только поросший сорняками квадрат черноземной земли, требующий заботливых рук и времени. Ок-

сана любила возиться в грядках, особенно когда не хотела идти домой, поэтому твердо решила, что сама займется посадками. Да и Никола будет рад, когда она поставит на стол чашку собственноручно выращенных овощей.

Может она и не сможет никогда его полюбить, но ведь ничего не мешает им жить в ладу между собой?

Так и не решив, чем себя занять в первую очередь, Оксана вдруг вспомнила про подружку и решила быстренько сбежать к Ульяне и рассказать ей последние новости. Еще бы, конечно, с Милашкой встретиться, но в родительский дом она заходить пока не готова, слишком сильна обида. Переобувшись в свою обувь, она прикрыла калитку и пошла на другой конец деревни.

Глава 10

Ульяна, увидев из окна Оксану, тут же выскочила на улицу, бросилась ей на шею и завизжала от радости.

– Я так рада что ты пришла! – прокричала она Оксане прямо в ухо. – Ну что, как все прошло?

– Пошли на сеновал? – предложила Оксана, зная, что там их точно никто не побеспокоит. А если кто и пойдет, то они увидят его раньше, чем он их. – И принеси из дома что-нибудь поесть, а то у меня в животе урчит. Я даже не позавтракала еще.

– Ну ты даешь, так обед уже! Тебя что же, муж не кормит? – возмутилась Ульяна. – Давай у матери попрошу наложить нам в тарелки, в беседке на улице и перекусим.

– Давай, но никак не пойму, как уже обед, если я только недавно встала? – у Оксаны, привыкшей просыпаться вместе с рассветом, это никак не укладывалось в голове.

Но потом она вспомнила, как Никола сказал, что она слишком долго спала, и догадалась, что причина во вчерашнем обмороке. Видимо, события брачной ночи пошатнули ее настолько сильно, что она лишилась остатков сил.

Ульяна вынесла во двор две тарелки гречки с подливкой и миску квашеной капусты. Они спрятались в тени беседки и первым делом поели. Оксана видела, с каким любопытством смотрела на нее Ульяна и как она сгорала от нетерпения, по-

этому решила не томить.

– Спрашивай, – разрешила она, готовая, что подруга засыплет ее сотней вопросов.

– Оставим посуду здесь и пойдем на сеновал, там и поговорим спокойно, – предложила Ульяна.

Так они и сделали. Сеновал в хозяйстве Ульяниной семьи находился в самом конце двора. Они застелили старую фуфайку и легли, вытянув ноги.

– Вот теперь я готова слушать! – Ульяна завозилась на месте. – Оксанка, когда я на вас на свадьбе смотрела, у меня сердце замерло. Какой же он страшный и злой, твой Никола. Я всю ночь не спала, думая, что он там с тобой делает... Уже испугалась, что и не увижу тебя больше...

– Ох, Ульянка, это ад крошечный, – Оксана вздохнула. – Никогда в жизни мне так страшно еще не было. Привез он меня в свой дом, отвел в комнату и давай сразу раздевать.

– Ужас... – Ульяна вздрогнула. – А дальше что? Сильно противно было? Больно это или врут все?

– И больно, и противно, – обреченно ответила она. – А когда он моего тела касался, то думала, что умру. Ручищи у него жесткие и огромные. А глаза какие, Ульянка, как у зверя дикого. Сначала он меня гладил везде, будто исследовал. А потом на кровать повалил и сам навалился сверху.

– А поцелуй? – перебила ее Ульяна. – Во время них и правда языками трутся? Ну скажи, Оксанка, мне же тоже это предстоит скоро. Дай бог, с любимым человеком.

– С любимым это, наверное, совсем другое дело, – Оксана откинулась на спину и посмотрела на посеревшую от дождей и ветров крышу сеновала. – А теперь и не узнаю, какво это... Неужели мне всю жизнь предстоит жить с Николой?

– Ну так какие они, поцелуи? – не унималась Ульяна.

– Странные, – честно ответила Оксана, другого слова она не нашла. – Ну а какими им еще быть, если посторонний человек вторгается в твой рот своим языком и делает там не пойми, что. И это только начало...

– Ну а потом что было? После поцелуев? – Ульяна села и теперь смотрела на Оксану сверху вниз.

– А потом он раздвинул мне ноги и сделал свое дело. Боль такая странная, обжигающая, что и словами не передать.

– И какой он у него? – спросила Ульяна и покраснела. – Сильно страшный?

– В первый раз я ничего и не увидела. Когда все закончилось, он отправил меня в баню. А потом и сам туда пришел...

Оксана замолчала. Воспоминания неприятной волной нахлынули на нее, и она пожалела, что завела этот разговор. Еще и слезы подступили.

– Я не хочу у него жить, Ульяна. Я хочу вернуться домой. Пусть лучше я буду смотреть на пьяного и вечно недовольного отца, чем быть с кузнецом... – Оксана всхлипнула, и ее лицо исказилось от отчаяния. – Я никогда не смогу полюбить его. Все в том доме для меня чужое.

– Не плачь, – Ульяна легла рядом и обняла ее. – Может

тебе удастся вернуться домой? Поговори с матерью, пожалуйста ей...

– Он хорошо им заплатил, – ответила Оксана. – Даже если бы я пришла проситься обратно вся в синяках, это ничего бы не изменило.

– Всегда есть выход, нужно просто получше его поискать, – успокаивала ее Ульяна. – Деньги у кузнеца водятся?

– Ты думаешь, он мне про деньги свои рассказывал? Да и зачем мне про это знать? То, что он зажиточно живет, всей деревне и так известно. И как мне это поможет несчастной участи своей избежать?

– Очень хорошо, Оксана, поможет, – Ульяна снова села и сложила руки на груди. – Если совсем станет невмоготу, ты попробуй что-то приберечь, припрятать, скопить, а потом сбежишь и в город уедешь. Это с пустыми руками страшно, а если будет что за душой, то всяк легче.

– Ты это говоришь, а мне уже не по себе становиться. Не смогу я украсть, даже у мужа. Да и не позволит он мне его средствами распоряжаться. Я ему нужна для плотских утех, рождения детей и домашнего хозяйства. Утром он мне так и сказал, когда в кузницу уходил. Велел за домом следить, обед ему варить и ночами ублажать. Только боюсь я его, Ульянка, как огня. Вдруг он меня, как и жену свою покойницу – того? – Оксана вцепилась руками в горло и захрипела.

– Так ты спроси у него про жену! Пусть расскажет, как все на самом деле было!

– Ты с ума сошла? – Оксана испуганно замотала головой.
– Не посмею я и рта про это раскрыть! А если он разозлится и поколотит меня?

– Тоже верно, – Ульяна закусила губу. – Ты тогда старайся с ним не спорить. Не перечь без повода, да и с поводом лучше тоже. Может он и не такой плохой на самом деле, каким кажется? Будешь ты, Оксанка, как сыр в масле кататься: сыто жить и любимой молодой женой быть. Ведь не просто так он к тебе посватался? Значит полюбил тебя?

– Только мне его любовь и даром не нужна! Да и когда он успел меня полюбить? Виделись мы редко, разве что мимо друг друга по улице могли пройти. Не любовь у него, а кое-что пострашнее. Похоть... И не верится мне, что он быстро пресытится и в покое меня оставит. Он...

Оксана замолчала. Вспомнилось ей, как в бане Никола приказал ей бедрами крутить и ублажать его, и сразу на душе еще паршивее стало.

– Что? – Ульянка догадалась, что что-то сокровенное подруга сказать хотела, да осеклась так не вовремя.

– Сказал, что должна я научиться любовному мастерству, потому что кузнец любит, когда с ним ласково обращаются. И он сам меня всему научит.

– Надо думать, что сам, не соседа же попросит, – Ульяна хохотнула, но следом нахмурила брови. – Жаль мне тебя, подруга, ты бы знала, как сильно. И помочь тебе чем, я не знаю. Разве только что поговорить вот так по душам и по-

плакаться вместе о нелегкой женской судьбе. Хорошо хоть, что кузнец тебя отпускает к родным да друзьям, а то ведь и заревновать может, молодая ты и красивая, а теперь еще и невинности лишена...

– Так и не отпрашивалась я у него, больно надо! – недовольно фыркнула Оксана и села, поджав под себя ноги. – Просто ушла и все. Не имеет он права мне ничего запрещать! Не вещь я какая-то, а человек.

– Ой, подруга... – Ульяна вздохнула. – Всякое бывает, есть и хорошие семьи, и плохие. Только ты всего день замужем и понять этого пока не можешь. Мать твоя с соседкой языком зацепится, а дядя Тихон уже кричит и злится. И плевать он хотел, что дома полный стол жарки и на полу ни соринки. А мой папка мамку сам из дома гонит, чтобы ей нескучно одной было. Везде отпускает и все прихоти выполняет. Чувствуешь разницу?

– Повезло тебе, это я и так знаю. Значит и мужа тебе позволят выбрать того, которого ты сама захочешь. И в обиду никогда не дадут. Даже если за дурака Ваську захочешь пойти, когда он с армии вернется!

– А может и захочу за Ваську, кто знает, – Ульяна улыбнулась. – Уж больно он красивый и веселый. Только какая жизнь меня ждет с красивым и веселым? Будет он с мужиками пить и девок чужих щупать, пока я с детьми его нянчусь.

– А сколько же времени уже? – спохватилась Оксана. – Я и забыла совсем, что мне Никола кучу дел поручил. Еще и

идти на другой край деревни!

Оксана с Ульяной подскочили, как ужаленные. Отряхнули друг другу платья от соломы и пошли к воротам прощаться.

– Запомни, я каждый день тебя ждать буду, – Ульяна крепко обняла Оксану. – А если ты пропадешь, то я сама к дому кузнеца приду, чтобы тебя проведать.

– Куда я пропаду то? – Оксана пожала плечами. – Но ты не бойся и приходи. И я буду стараться. Днем Никола всегда в кузнице трудится. А я тебе дом покажу, у него книг столько, что до конца жизни не перечитать.

Оксана выпустила подругу из объятий и пошла в сторону своего нового дома, не догадываясь, что же ее там ждет.

Глава 11

Калитка была открыта, и Оксана, заметив это, забеспокоилась. Она точно помнила, что заперла ее. Уж не пробрались ли в дом к кузнецу воры? Она вошла во двор и осмотрелась. Вроде все лежало на своих местах, хотя Оксана могла и не запомнить половины. Она вошла в дом, стараясь ступать тихо и осторожно, но тоже ничего подозрительного не заметила.

– Где ты была? – голос раздался за спиной так близко, что Оксана вскрикнула и отпрянула.

Но Никола резко схватил ее, не позволив далеко уйти. Он развернул Оксану к себе, и теперь они смотрели друг на друга в упор. Он – злой и суровый, а она – напуганная до смерти. Оксана хотела все объяснить, ведь она ничего плохого не сделала, но так и не посмела открыть рот. Никола коснулся пряди волос, выбившейся из платка, и вытащил тонкую соломинку. Покрутил сухую травинку в руках, поднес поближе к глазам и усмехнулся, только совсем не по-доброму.

– Я повторю свой вопрос, если ты оглохла. Где ты была? – соломинка полетела на пол, а его глаза снова уставились на жену.

– Я пошла провести Ульяну и случайно у нее засиделась, – голос у Оксаны задрожал, она попыталась высвободить руку из хватки Николы, но он только крепче ее сжал.

– Ты оставила открытым дом. Ты не приготовила обед. И вообще не сделала ничего из того, что я велел. Почему?

– Я думала, что все успею, но все случайно вышло... – Оксана не выдержала и заплакала.

Вот только ее слезы не тронули Николу ни капельки.

– Вместо того, чтобы хозяйством заниматься, ты по чужим сеновалам валяешься? – Никола оттолкнул Оксану, и она сразу зажала разболевшееся плечо рукой. – Неужели болтовня с подружкой заставила тебя забыть обо всем?

Она догадалась – муж ей не поверил и заревновал. Вот только доказывать ничего не собиралась. Особенно после того, как он ее перепугал и схватил. У Оксаны не было опыта в отношениях, но она хорошо усвоила материну ошибку и решила – она не даст себя в обиду и не позволит над собой издеваться, каким бы грозным не был ее противник. А ведь именно так она Николу и воспринимала – опасным врагом, ненавистным человеком, который посмел сломать ее жизнь и надругаться над телом.

Она громко фыркнула и подошла к кухонному столу.

– Хочешь ужин? Сейчас будет ужин! – Оксана достала из мешка несколько картофелин и бросила их в раковину. – А со своей подружкой я могу часами напролет болтать, и забыть при этом обо всем – проще простого! Тем более я только замуж вышла, как мы могли не обсудить такое событие? Или ты думал, что я буду теперь около твоей штанины сидеть и в глаза тебе смотреть?

Оксана дерзила ему, а саму ее всю трясло внутри. Она приготовилась к страшному и готова была с достоинством это принять. Решит поколотить ее? Пусть только тронет, она будет биться до последнего. А если прибьет ее Никола, то так тому и быть.

– И что же ты ей рассказала? – Никола так и стоял в дверях, напоминая необъятную глыбу. – Жаловалась на свою несчастную долю? Утешения искала?

– Утешить меня никто не сможет, – ответила она, срезая с картофеля тонкую кожуру. – И от тоски умирать в чужом доме я тоже не собираюсь.

– Теперь это твой дом, – прорычал он, стиснув зубы.

– Да? – Оксана обернулась, выставила вперед нож, и с мокрых рук на пол упали грязные капли воды. – Все мне здесь чужое – и ты, и твои хоромы. И никогда я не полюблю ни тебя, ни это проклятое место!

– Думай, что говоришь! – Никола не на шутку разозлился, подошел к Оксане, выдернул у нее из рук нож и швырнул его в раковину.

А затем схватил за талию и прижал к своей груди. Оксана уперлась перемазанными ладошками в его тело и перепачкала светлую рубашку.

– Я твой муж, – Никола наклонился к ее уху и заговорил совсем тихо. – И теперь я твой бог, твой храм и твоя крепость. А если ты надумала вывести меня из себя и показать свой характер, то берегись, Оксана, потому что со мной шут-

ки плохи!

Он подхватил ее одной рукой, как легкую пушинку, и понес в спальню. Оксана билась и вырывалась, колотила его по спине и плечам, но Никола не реагировал.

Он швырнул ее на кровать, задрал подол платья и резко дернул трусики. Ткань треснула и порвалась, оставшись непотребным лоскутком в огромной ручище.

– Не трогай меня! – закричала Оксана и попыталась ударить Николу ногой в пах, но промахнулась.

Рубашку он снимать не стал. Просто расстегнул ширинку на штанах и вытащил возбужденный готовый орган. Оксана постаралась вывернуться, но Никола прижал ее к постели своим весом и вошел в нее. Он двигался резко и быстро, будто не жену любил, а гвозди забивал.

– И так будет каждый раз, когда ты свой рот откроешь, чтобы со мной спорить, поняла? – сказал он прямо в ее распахнутые губы.

А потом накрыл их жадным поцелуем. Чуть приподнявшись, Никола рванул на ней ворот платья и обнажил грудь, а затем припал губами к торчащему соску. Оксана простонала, впившись острыми ногтями ему в плечи. И чем дольше Никола терзал ее горошинку языком, тем невыносимее ей было терпеть эту муку.

Несколько раз Никола замирал, и Оксана прислушивалась к своему телу, ждала заветную пульсацию, знаменующую ее скорое освобождение, но он снова разгонялся, ускоряя темп.

Будто намеренно продлевал мучительную пытку.

Наконец он глухо простонал и упал на нее обмякшим телом. Его потное лицо коснулось ее бледной ледяной щеки. От него пахло дымом, костром и лесом. Оксана задыхалась от тяжести, но не могла попросить его встать. Теперь каждое ее слово могло нести плачевные последствия.

Никола сам поднялся, застегнул ширинку и посмотрел на нее сверху вниз. Ворот платья разорван, обнаженная грудь вывалилась, подол задран до самого живота, ноги разведены и согнуты в коленях. Оксана отвернула голову, не желая больше видеть его. Ненависть клокотала где-то под ребрами, соперничая со злостью.

– Приведи себя в порядок и вернись к приготовлению ужина, – велел Никола. – В бане есть теплая вода, вымойся как следует. И подумай заодно, хочешь ли ты и дальше идти этим путем.

Никола вышел, оставив ее в одиночестве. Оксана сменила платье, взяла чистое белье и ушла в баню. Там она немного остыла и успокоилась. На сегодня войны хватит. А как дальше будет – время покажет. Вернувшись в дом, она отыскала сковороду, налила масла и занялась картошкой.

Никола принес из погреба сало, бочковые огурцы и квашеную капусту. И они впервые сели за один стол, как настоящая семья. Ели в тишине, только вилки о тарелки стучали.

Оксана убрала со стола, Никола ушел кормить скотину. Близились ночь. А значит совсем скоро они снова окажутся

в одной постели.

Глава 12

Никола лежал на спине, сложив руки на могучей груди. Одеяло едва прикрывало его пах и ноги, стриженная борода покоилась на груди, подрагивая в так тяжелого размеренного дыхания. Круглая луна с любопытством заглядывала в широкое окно, будто рассчитывала увидеть что-то непотребное и постыдное в супружеской спальне. Но ей пришлось остаться ни с чем.

Никола сходил перед сном в баню, затем отправил туда Оксану, а когда она вернулась, он уже спал. Пробравшись на цыпочках к кровати, она забралась под одеяло и боялась лишний раз вздохнуть, чтобы не потревожить сон мужа.

Оксана приподнялась на локте и осторожно заглянула Никола в лицо. Мелкие морщинки светлыми лучиками бороздили смуглое от солнца лицо. Густая борода, темная и слегка выющаяся, прикрывала сильную нижнюю часть лица, подчеркивая мужественный квадратный подбородок. Его густые брови были чуть сведенными к переносице, как будто и во сне он что-то обдумывал или защищался от чего-то невидимого. Но выражение лица Николы вместе с тем казалось неожиданно мягким в полумраке комнаты – привычная выжигающая суровость наконец отступила. Губы, прикрытые бородой, чуть приоткрылись, и дыхание шло ровное, чуть хрипловатое, будто тело старательно пыталось избавиться от

усталости, скопившейся за годы тяжелого труда.

Она не хотела разбудить его, просто надеялась рассмотреть и понять, какой он, ее муж. Оксана вдруг заметила, что не видела теперь ни гнева, ни упрямства, а только уязвимость, так редко показывающуюся днем.

И все равно она его ненавидела. Будь у нее в руках нож или удавка, она бы решилась избавить себя от него, и глазом не моргнув.

За окном громко ухнула сова, и она вздрогнула от неожиданности. Словно сама судьба отругала ее за поганные мысли.

– Спи, хватит любоваться мной, – прошептал Никола, не открывая глаз и не шевелясь даже.

Оксана рухнула головой на подушку и чуть не расплакалась от собственной глупости. Кузнец закричал и повернулся на бок.

– Или спросить что хочешь? Так спрашивай, раз разбудила.

– Я тебя не будила, – ответила она, вцепившись зубами в губу. – Я домой хочу.

– Ты уже дома. Не придумывай себе лишних проблем. Жизнь длинная, успеешь намаяться.

– Не сомневаюсь. Почему ты меня выбрал, просто скажи. Это отец меня тебе навязал, да? – она уже думала об этом, но наотрез отказывалась верить.

Никола потянулся и накрыл ее грудь своей рукой. Оксана замерла и вся сжалась – только бы под ночнушку не полез...

– Тихон тебя никому не навязывал, – спокойно ответил Никола. – Это я тебя выбрал, уже давно, но тогда ты моложе была, я все не решался. А когда услышал в кабаке, как твой отец распаляется, что замуж тебя выдать надо, так и подошел. А чем я плох для тебя, Оксана? Только тем, что старше тебя? Но так я не старик еще, и работать могу, и любить тебя силы есть...

– Только у меня любить тебя сил нет, – она всхлипнула и смахнула слезинку со щеки.

– Ты нового боишься, вот и не можется тебя. А ты попробуй и постарайся. Не отталкивай меня, Оксана.

Никола подвинулся ближе, рывком развернул Оксану к себе спиной и прижался к ней голой грудью. Его дыхание коснулось ее затылка, и по спине побежали мурашки.

– Ты любила другого? Скажи, а то может я вас ненароком разлучил, – прохрипел он ей в шею.

– Нет, не любила я никого никогда, – честно призналась она. – И не целовалась ни с кем даже.

– Это я заметил, когда ты рот боялась открыть и перепугалась до смерти, – Никола усмехнулся. – Но теперь ты моей стала. И обратного пути нету.

– Так ты любишь меня, Никола? Мы же не общались никогда толком. Я все понять этого не могу, как ни пытаюсь.

– Мы, мужчины, сначала глазами любим, так уж у нас все устроено. Помню день, когда впервые заметил тебя, ты по улице бежала босиком, только пятки сверкали. А воло-

сы твои русые разлетались на ветру, как морские волны, — Никола погладил ее по голове и замер. — Сестренка твоя не могла поспеть, все кричала: Оксанка, стой, дура! А ты и не обернулась даже. И что-то кольнуло у меня в груди, впервые за несколько лет. И думал я потом о тебе чаще, чем хотелось.

Оксана слушала и не верила, что все это правда. Не могла она жить и не знать, что нравилась кузнецу. Она бы тогда что-нибудь предприняла, сбежала бы в город или разонравилась ему всеми силами. И тогда не лежала бы сейчас с ним в одной постели.

— Я не жду от тебя чудес, их не бывает. Понимал, что не проникнешься ты ко мне нежностью и любовью сразу, когда брал тебя.

— А если я никогда не проникнусь? — Оксана отодвинулась и высвободилась из его объятий. — Как ты будешь жить со мной? Разве сможешь смириться, что тебя не любят?

— Я тебе уже говорил, Оксана, что моей любви хватит на двоих. А ты просто будь покорной женой, как и положено быть. Я тебе все прощу, потому что ты молода и неопытна. Только будь мне верна и никогда не обманывай. Ты думаешь, что я злой и грозный, так многие обо мне думают. Так оно и есть на самом деле. Вот только тебя мой гнев никогда не коснется, если ты будешь вести себя правильно. Вот мое единственное условие.

Никола вздохнул и улегся на свою подушку. Некоторое время они лежали молча, друг друга не касаясь. А потом Ни-

кола засопел, погрузившись в сон.

Только Оксане было не уснуть – она все думала и думала о его словах.

Всего одно требование – быть верной и не обманывать...

Ну с этим она должна справиться.

Глава 13

Оксане снилось, будто она провалилась в вязкую холодную трясику болота, жижа схватила ее за голые ноги и начала тянуть вниз – медленно, словно назло дразня и играясь. А потом пришел жгучий страх и сковал так, что она не могла даже на помощь позвать, только рот открывала, как рыба, брошенная на берег. Оксана видела себя так отчетливо, что даже мысли не возникло, что это все ересь несусветная и не может такого быть на самом деле. А трясина все тянула вниз, коснулась живота, сжала легкие...

И вдруг она увидела Николу. Он вырос на берегу так внезапно, что Оксана глазам не поверила. Она протянула руку, чтобы он схватил ее и спас. Только Никола не двигался с места, а просто смотрел на нее прожигающим взглядом.

– Никола, – прошептала она. – Спаси меня...

– Ты сама виновата. Сама в болото полезла, – ответил он.

– Я же тебе велел – не ври мне!

– Я не врала тебе, Никола!

А топь тем временем доползла до самой шеи и оставила Оксане несколько минут на прощание с мужем.

– Никола... – она вытаращила глаза, не веря, что он способен так жестоко с ней поступить.

И за что? Вот за что он так с ней? Она же ведь ничего плохого не сделала. Она же была ему верной женой...

И вдруг Никола схватил ее и выдернул из вязкого болота. Прижал к груди и зашептал:

– Теперь ты веришь, что моей любви хватит на двоих?

А потом схватил ручищей за грудь и смял ее со всей силой.

Оксана вздрогнула и проснулась. Рассвет только начал начинаться. Неугомонный петух орал под окном.

А Никола стаскивал с Оксаны тонкую мятую ото сна ночнушку и пыхтел в спину. Она почувствовала, как член упирается ей в поясницу и только теперь до нее дошло, что он задумал.

– Никола... – Оксана положила ладошку на его горячую руку и попыталась убрать со своей груди.

Но он только распалился от ее жалобного голоса. Вторая рука забралась под трусы и вцепилась в Оксанин круглый зад. А потом скользнула по бедру к лобку.

Он стащил с нее белье, оставив совершенно нагой и беззащитной.

– Хочешь, забирайся на меня сверху, – его голос охрип и сорвался на последних звуках. – Я буду смотреть, как твои груди колышутся при каждом движении.

– Нет, – Оксана и представить не могла себя верхом на кузнеце. Ей бы побыстрее и так, чтобы не видеть его лица.

– Ну хорошо, – он не стал настаивать и притянул ее к себе за бедра.

Он вошел быстро, на всю длину, и на секунду замер от

удовольствия. Грубые пальцы сдавили набухший сосок, а потом нашли второй. Он двигался и целовал ее плечи, шею, больно царапая нежную кожу бородой. Оксана прикусила губу и боялась выпустить из себя хоть единый звук. А потом вспомнила, как ее короткий стон в бане довел кузнеца до экстаза. И решила, что это единственный способ ускорить проклятый супружеский долг.

Она простонала и выгнулась, а потом сделала круговое движение бедрами. Так он хотел? Пусть получает. Но Никола одним рывком вышел из нее и замер за спиной. Пока Оксана соображала, в чем причина и что она сделала неправильно, кузнец лег на спину и потянул ее на себя. Она и не поняла, как оказалась на муже сверху. Ноги обхватили его бедра, возбужденная плоть оказалась в ее промежности. Никола приподнял Оксану и посадил прямиком на член.

– Выпрямись, – попросил он.

И Оксана расправила спину. Теперь она смотрела на кузнеца сверху вниз и видела, с какой жадностью он разглядывает ее тело.

– Ты красавица, – прошептал Никола и крепко сдавил ее ягодицы.

А потом начал двигаться в ней быстрыми и резкими толчками. Оксана завывала, теперь по-настоящему, потому что каждый новый толчок отдавался приятной тягостью в животе. Никола гладил ее груди, сжимал их, терзал соски, спускался по животу до лобка и поднимался обратно.

Никола притянул Оксану к себе, прижал к груди и запульсировал внутри нее. Его дыхание срывалось ей в шею, живот поднимался и опускался, а Оксана затаилась и ждала, когда он отпустит ее.

Никола поднялся с кровати, натянул штаны с рубашкой и посмотрел на обнаженную Оксану, кутающуюся в одеяло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.